

б о б р ы

Из рукописи К. Д. Носилова

Достопримечательность Дальнего Севера, гордость его в зоологическом отношении — это бобр.

Стертый давным-давно с лица земли в Европе, он случайно только остался под восточным склоном Северного Урала и то в незначительном количестве.

Я не могу сказать с уверенностью, что спасло это редкое в наши дни животное. Обширные ли болота Северного Урала, или эта громадная, совершенно необитаемая лесная низменность, недосягаемая из-за постоянной сырости даже страшным пожарам. Или умный, внимательный, жалостливый народ — вогулы¹, которые населяют эту низменность истари и хранят это животное, почти обоготворяя его в своих заповедных вотчинах.

Скорее всего, нам спасли бобра именно все эти счастливые для него условия, когда даже цивилизация Европы и та не могла уберечь его в своих укромных местах в результате их доступности для человека.

Бобр — весьма редкий остаток старого времени, когда человек жил рядом с этим зверем, селился и укрывался так же, как он, от врагов в укромных лесных поселках, когда еще зверь не знал в человеке своего злейшего врага.

В 1883 году, во время путешествия по Северной Сосьве, мне посчастливилось достать шкурку бобра через одного вогула реки Тапсуй, ходившего нарочно по моей просьбе к жилищам бобров на реке Нюр (приток реки Конды). К сожалению, эта единственная шкурка, добытая для музея, была без головы.

Поэтому в 1892 году я предпринял специальную поездку в вершины Конды

с целью достать полный экземпляр бобра, а также собрать о нем сведения на месте. Тем более, что вогулы мне говорили: бобра осталось немного и, быть может, я буду первым и последним натуралистом, на долю которого выпадет счастье описать это редкое животное в его первобытной обстановке.

Отправившись через Екатеринбург, Верхотурье, Пелым, я достиг той же весной, в марте, вершины Конды и поселился в самых северных на ней юртах — Оронтур-пауль, чтобы, как только настанет весна, тронуться далее уже пешком на реки Нюр и Ух, где остались еще бобры.

Это нужно было сделать уже потому, что попытки нашей Академии наук достать уральского бобра в 1877 году окончились не только неудачно, но даже с человеческими жертвами.

Тогда зоолог Поляков, путешествовавший по реке Оби, нанял вогула Федора Алексеева из Ямнельских юрт, как человека бывалого и знающего, где водятся бобры. Как говорили, он был выходцем из кондинского края, проживал где-то на рыбных промыслах реки Оби и являлся в свои юрты только через три года, чтобы внести ясак, поклониться божкам и взглянуть на свою, забытую им уже давно вотчину. Они были очень удивлены миссией Алексеева — достать бобра для Петрограда, «для государя», как он торжественно объявил. И хотя у него имелись бумаги от самого заседателя с дозволением охотиться везде, однако местным, оронтурпаульским, вогулам это не особенно понравилось. Они знали Федора за лихого промышленника, которому ничего не стоило начисто выгубить зверя.

Закупив у них пуд ржаной муки, пуд ячменя для щей и немного ситцу для

¹ Так раньше этнографы называли народность манси.

жертвы богам, покровителям звериного промысла, как настоящий богобоязненный вогул, Федор отправился на промысел с сыном Иваном. С тех пор он пропал. Только через год узнали о гибели промышленника, когда в юрты явились понятия с реки Оби, сделали опрос, а потом и лично направились на речку, где Федор должен был убить бобра. Беднягу нашли мертвым в шалаше у обгоревшего, наполовину затянутого в шалаш дерева. Тут же, у стенки шалашика, лежал, видимо умерший ранее его, сын Иван.

Вскрытие обнаружило, что они погибли от голода. Им не хватило двух пудов провизии на время весны, а выход из этих мест был отрезан весенним разливом, который здесь затопляет порою на громадные пространства не только болотистые места, но и леса.

Разумеется, вогулы до настоящего времени убеждены, что Федор был наказан местными божками за плохое почтение к ним, понадеявшись на какие-то бумаги заседателя и на какие-то клочки гнилого ситца, принесенные в жертву идолам, когда нужно было принести им серебро и, по крайней мере, одного хорошего соболя.

Услышав о моем желании достать во что бы то ни стало бобра, они рекомендовали и мне принести такие жертвы, но я ограничился наймом хорошего проводника, да надеждой, что я не погибну там со своим ружьем и припасами, если и придется тоже быть окруженным разливом.

* * *

Пока протаивали тропы, по которым мне с проводником Савелием нужно было отправиться за бобром, я собирал сведения о бобровом промысле. Из них видно, чему подвергалось это животное, чтобы действительно быть стертым с лица земли. Оказывается, промышленников не столько соблазняла шкура бобра, в сущности не особенно драгоценная по своему качеству, хотя и ходкая в старину, сколько «бобровая струя», которая давно уже стала большой ценностью в медицине. Жители дальнего севера очень ценят ее, употребляя не только как лекарство, но и как средство очистить себя от грехов, отправляясь на промысел. Эта бобровая струя, кажется, и добыла зверя в здешних таежных местах: недавно еще стоимость ее доходила до пяти рублей

за золотник. Савелий, охотник на бобров, даже хвастался мне, что он однажды взял бобровой струи на 120 рублей.

Лет 15—25 тому назад охотников за бобрами здесь было много, потому что этот промысел считался самым добычливым. Тогда бобры водились даже на озере Оронтур. Их били, разумеется, всевозможнейшими способами, буквально преследуя повсюду: ставили на их тропах капканы и самострелы или просто, обнаружив поселения бобров, били их здесь из луков, когда они покажутся над водной поверхностью, выйдя из своих домиков через подземный ход.

Это преследование и было главной причиной тому, что бобр стал редкостью даже в этих укромных местах и остался лишь вот на таких речках и то в вершинах их, удаленных от человека.

Помню, мы долгих два дня брели с Савелием по какой-то тропе, покачиваясь от тяжелых сумок и пайв, утопая во мхах, переходя речки, мочажины бесконечные и только порою, и то ненадолго, чтобы не онемели ноги, присаживались на пенек перевести дух, вытереть лоб, вздохнуть немного от усталости.

Только к вечеру второго дня пришли мы на берег Соусмы — маленькой лесной дикой речки с низменными берегами, заросшими березовым и хвойным лесом, где и нашли первую бобровую постройку.

Она безжизненно стояла на берегу, уже кем-то полуразрушенная. Недалеко от этого маленького земляного курганчика виднелись ямы — следы раскопок бобровых жилищ. Промышленники подкрадывались к постройкам, затыкали выход к воде и выкапывали зверя вместе с детенышами, самым безжалостным образом истребляя все его семейство.

Продвигаясь дальше вдоль речки Нюр, мы уже постоянно встречали следы бобра, который тут, видимо, когда-то жил довольно многочисленным обществом. Но следы не говорили о существовании тут бобра теперь — он уже был разорен человеком.

Только на речке Ух нам более посчастливилось: мы наткнулись на целое жилище бобров в низменной, залитой водою излучине, сплошь поросшей старым березовым лесом.

Мне хорошо было видно с высокого песчаного берега это бобровое селение в виде разбросанных то тут, то там конусообразных хижин, напоминающих изда-

ли лопарские тупы, только маленькие, аршина в полтора-два вышины.

Перебравшись на другую сторону, я с захватывающим дух любопытством пошел по направлению к бобровому поселению.

Вот она, первая хижина — правильно выложенные из обрубков березы стены в виде круга на высоте аршина от земли, прекрасно завершенная над ними конусообразная крыша, старательно умазанная глиною и выглаженная так, чтобы с нее скатывалась вода. Все это устроено таким прочным образом, что ни человеку, ни зверю сразу не разрушить строение. И кругом нет ни следа, ни тропы, так как отнорок жилища выходит прямо в омут.

Вот другая рядом, немного в стороне — такая же тупа бобровая из глины и ила с березою, уже обросшая зеленой травой; вон третья, четвертая, десятая, только разнящиеся друг от друга величиной и высотой. Но, к сожалению, селение это уже давно покинуто бобрами после того, как кто-то нашел его и разорил. По крайней мере мы, как осторожно ни двигались, как зорко ни присматривались к тихим плесам реки, не заметили ровно ничего, говорящего о жизни.

Пришлось ограничиться тем, что внимательно осмотреть тупы, осторожно раскрыв крыши. Жилища оказались очень удобно устроенными внутри. Порядочное круглое, с умазанным дном помещение в центре, рядом два-три других, меньших по размеру, служащих спальнею, и из главного помещения торная, глубокая нора в сторону речки. В большем помещении мы всегда находили остатки пищи, тогда как в боковых помещениях ровно ничего не было, и они по своему виду напоминали мягкие норы, где, видимо, отдыхали животные, тогда как общее помещение служило столовой. Мы нашли, что в каждой такой хижине было столько отдельных боковых помещений, сколько членов в семействе.

Одна хижина оказалась даже в два этажа, видимо устроенная на случай наводнения, потому что стояла ниже других и ближе к воде.

Немного выше по этой речке мы нашли с Савелием и место, где бобры заготавливали себе пищу: березовая веселая рощица, выросшая на крутой извилине речки, почти окруженная водою. Вероятно, это обстоятельство и привлекло бобров, потому что по воде можно было

без особенного труда тащить тяжелые березовые поленья.

Березовый мысок имел вид, который остается после дровосеков. Одни деревья были свалены и разделаны, от них остались только пеньки и вершины, другие только повалены.

Осматривая толстые пеньки, до пяти вершков толщиной, я заметил на них следы резцов зверя. Он словно долотом подгрызал дерево с той стороны, на которую оно должно упасть. Затем бобры принимались за разделку. Они аккуратно разделяли его на короткие поленья, сообразно со своими силами, потом тащили его к реке и складывали на плот, сверху которого уже клали более тонкие ветки. По словам Савелия, нагрузивши плот, они отталкивали его от берега и, пользуясь течением, тихо сплавляли до своего запора.

Савелий уверял меня, что он не раз видел, как бобры таскали поленья. Ими обычно управлял старший и более сильный. У бедняг даже спины были вытерты тяжестью — так трудно им доставалась пища.

Пройдя обе речки, мы убили с Савелием только одного бобра, скарауливши его светлой ночью на одном омуте. Это оказался изрядный, в пуд весом, самец, чучело которого ныне хранится в музее Московского университета.

А как оценивают наблюдения К. Д. Носилова современные ученые? Мы показали рукопись доктору биологических наук В. Н. Павлину и попросили его ответить на этот вопрос. Вот что он ответил.

К. Д. Носилов был, пожалуй, первым из европейцев, посетившим колонию бобров в бассейне рек Конды и Сосьвы. Немецкая экспедиция О. Финша и А. Брема, чья книга «Путешествие в Западную Сибирь» была издана в Москве в 1882 году, прошла стороной от этих мест, идя по Иртышу и Оби. Следует заметить, что подробного описания жизни кондо-сосьвинских бобров нет, к сожалению, и сейчас.

Из рукописи К. Д. Носилова видно, что во второй половине XIX века бобр в Зауралье был распространен шире, чем еще совсем недавно. Но в самые последние годы бобра не раз завозили в Свердловскую и соседнюю с нею Тюменскую области, поэтому область его распространения теперь снова расширилась.

К. Д. Носиловым в свое время были проведены большие исследования. Стоит пожалеть, что результаты их своевременно не были опубликованы.